

Д.В. Арзютов

АНТРОПОЛОГ ИЛИ ПОЛИТИК? ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИСТРАСТИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСТРОЕНИЯ СЕРГЕЯ ШИРОКОГОРОВА

Ключевые слова: теория этноса, политика, история этнографии, гражданская война, эмиграция, монархизм, антибольшевизм

Настоящая статья представляет собой опыт реконструкции политической биографии Сергея Широкогорова, чье имя прочно ассоциируется с советской теорией этноса. На основании документов из многих российских и зарубежных архивов автор выбирает несколько сюжетов, которые показывают взаимосвязь политических пристрастий С. М. Широкогорова и его теоретических построений. В первой части статьи автор описывает политическую историю семьи Широкогоровых и отношения с молодым А. Ф. Керенским, далее — рассказывает о жизни Широкогорова в Париже, об истории его ареста и участия во Владивостокском Временном правительстве. Завершает статью анализ политических выступлений Широкогорова в Китае и описание контекста дискуссий об этносе в консервативных кругах русских эмигрантов.

1. Серж

Знаменитая сага о Максиме Максимовиче Исаеве (Штирлице) содержит один пассаж, мимо которого антрополог, изучающий Россию, а если точнее — увлеченный Севером и Сибирью, пройти вряд ли сможет:

Шофер резко притормозил. Меркулов вылез из машины первым. Замер на ветру: сухонький, росточка маленького, фуражка надвинута на глаза. Ванюшин вывалился из машины тяжело, с одышкой: последние два дня много пил с новым членом правительства Сержем Широкогоровым. Этнограф и биолог, Широкогоров по-своему видел концы и начала эволюции человечества и умел рассказывать так, что не пить нельзя было, ибо все равно — по его выкладкам — в мир шло скотство (Семенов 1994: 316–317).

Здесь представлен колоритный портрет этнографа, сегодня известного в России в качестве одного из создателей теории этноса, а на Западе — как яркого исследователя шаманизма и автора “психоментального комплекса”. В этом эссе, рассматривая панораму общественной деятельности С. М. Широкогорова, я собираюсь показать взаимосвязь его идеологических пристрастий и теоретических построений.

В дополнение к фрагменту романа Ю. С. Семенова “Пароль не нужен”, где Широкогоров довольно точно определен в политическом пространстве Дальнего Востока как человек близкий к правительству Меркуловых, Сергей Михайлович не менее красочно пишет о себе в одном из последних писем к Л. Я. Штернбергу (22.12.1922). Он отмечает две довольно важных для дальнейшего анализа его политической деятельности детали: открытие для себя “этнографического наблюдения”, которое становится двусторонним

Дмитрий Владимирович Арзютов | <http://orcid.org/0000-0003-3782-9296> | darzyutov@gmail.com | к.и.н., научный сотрудник | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Economic and Social Research Council, <https://doi.org/10.13039/501100000269> [ESRC ES/K006428/1]

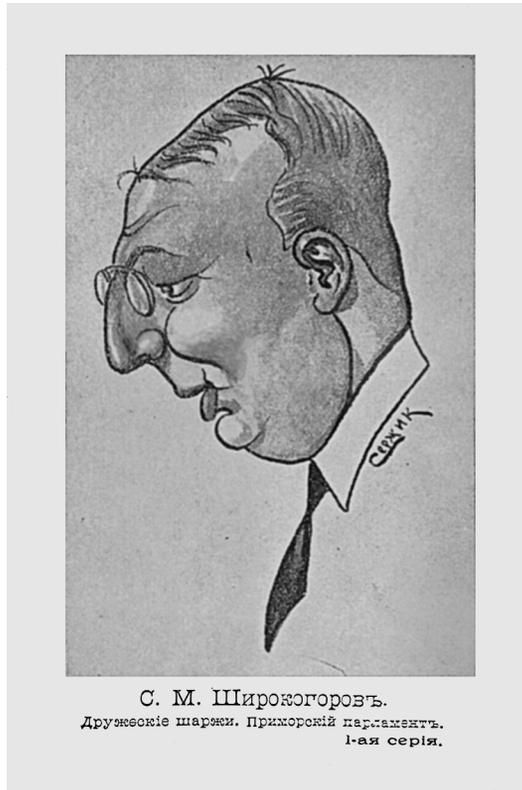

Рис. 1. Сергей Широкогоров (“Сержик”) как член Приморского парламента (MRC: без номера).

(наблюдает он и наблюдают за ним), и сравнение своего владивостокского периода в политике и участия в выборах маньчжурского шамана — и там, и там все договоренности были чрезвычайно хрупкими (СПФ АРАН: Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 319. Л. 26–26об). Мне представляется, что отмеченные в письме детали могли бы служить одним из ключей к теории этноса, которая, судя по всему, обязана своим оформлением как политической нестабильности во Владивостоке, так и “правым” политическим убеждениям самого автора (ЛА ДТ: И. И. Гапанович, 1.05.1979).

Фрагмент письма, о котором идет речь, примечателен тем, что Сергей Михайлович, имевший к тому времени солидный полевой опыт среди эвенков и ороченов, удивляется самой практике наблюдения. Политическая деятельность Широкогорова вовсе не отрицает важности его полевой работы, которая, как пишет Д. Дж. Андерсон, многое ему дала для оформления содержательной стороны теории этноса и психоментального комплекса¹. Напротив, зная политические пристрастия Широкогорова, мы можем расширить рамки его “поля” и выйти далеко за пределы частной биографии ученого — к определению границ и места “поля” в антропологической теории.

Политическая составляющая, равно как и метания от одного учебного заведения к другому, делают случай Широкогорова особым. Этому есть несколько причин. Во-первых, стремление, как сам он пишет, к “большому научному центру” и явное нежелание быть связанным с провинциальными школами. (Сергей Михайлович многократно выражает недовольство почти бесплатным преподаванием.) Его связь с институциями, равно как и идентичность антрополога (в отличие от идентичности профессора, как он

себя всюду представляет), оказывается не столь уж важной, в то время как политическая активность действительно значима и идет бок о бок с его опытами теоретизирования. Во-вторых, само теоретизирование представляет собой поиск “равновесия” (*equilibrium* в его терминологии) в ситуации глубокого политического кризиса внутри страны. Фактически модели Широкогогорова могут рассматриваться как социологическое или антропологическое воображаемое, в котором стабильность — это совмещение прошлого и будущего при отсутствии настоящего, погруженного в хаос.

2. Вольск и Юрьев: политическая жизнь в провинции

Сергей Михайлович Широкогооров родился в 1887 г. в г. Суздале в семье аптекаря Михаила Ивановича Широкогоорова (1862/63—?) и его жены Александры Юльевны. В жизни Сергея едва ли не ключевую роль сыграл его дядя Иван Иванович Широкогооров (1869—1946) — известный анатом и патолог.

Согласно семейным историям, любезно рассказанным Наталией и Владимиром Широкогооровыми автору статьи, частым гостем в доме родителей Сергея был А. Ф. Керенский, приезжавший в качестве адвоката в Вольск, где к тому времени уже осела семья Широкогооровых. Позже А. Ф. Керенский был избран в Государственную думу от того же Вольска и возглавил фракцию “трудовиков” (*Kerensky* 1965). С 1907 по 1916 г. Михаил Иванович, отец Сергея, был гласным Вольской городской думы, что, вероятно, и способствовало встречам с А. Ф. Керенским и пересечению их политических интересов. Известно также, что Михаил Иванович был в центре революционных событий в 1905 г. В документах, хранящихся в семейном архиве Н. Широкогооровой, говорится, что его аптека служила явочной квартирой, а во время демонстрации 20 октября 1905 г. он был сильно избит черносотенцами и более месяца пролежал в больнице.

В круг друзей семьи Широкогооровых входили многие известные исследователи, в т.ч. физиолог В. Я. Данилевский (рис. 2) и геолог и философ В. И. Вернадский, с которыми вплоть до отъезда во Владивосток С. М. Широкогооров поддерживал тесные отношения.

Широкогооровы были связаны с г. Юрьевом/Тарту, где дядя Сергея Иван Иванович долгое время работал в университете (ЕАА: 384. 1.3443, 402. 1.29600, 402. 3.1864), а братья Владимир (1885—?) и Михаил (1892—?) учились на юридическом и историко-филологическом факультетах (ЕАА: 402. 1.29599, 402. 1.29601, 402. 1.29602). Самого Сергея в 1903 г. родители определили в Юрьевскую частную немецкую гимназию. Как говорят его родственники сегодня, именно в Юрьеве он и познакомился с Елизаветой Робинсон (переписка автора с Е. В. Робинсон, май 2016).

В начале 1900-х годов Владимир, студент-юрист, был активно вовлечен в местную политическую жизнь, что доставляло немало хлопот Ивану Ивановичу — сотруднику университета, вынужденному писать разного рода письма в поддержку своего племянника (ЕАА: 402. 1.29599; ГАРФ: Ф. 102. Д-7. Оп. 207 [1910]. Ед. хр. 2877).

Согласно архивным документам, после окончания гимназии в 1906 или 1907 г. родители отправили Сергея и Елизавету в Париж, куда в 1908 г. в Институт Пастера был командирован и его дядя (Отчет о командировке б.г.). Частично сохранилась парижская переписка Сергея Широкогоорова, на основании которой мы можем начать рассказ о его политических взглядах.

3. Париж: наблюдая за “разложением партий”

Трудно сказать, что заставило Сергея и Елизавету уехать в Париж. Если взять за основу события того времени в Вольске и Юрьеве, можно предположить, что в этом движении на Запад родители видели возможность не только дать детям хорошее образование, но и укрыть их от волнений, которые начинались в России. Как показывают исследования нашей коллеги А. Дюмон, в Париже Сергей так и не получил законченного образования.

Рис. 2. Сергей Широкогоров в кругу семьи и друзей Елизаветы. Июнь 1911 г. (Личный архив Е.В. Робинсон). Первый ряд справа налево: С.М. Широкогоров, Елизавета (Лиля) Николаевна Робинсон, Наталья Федоровна Робинсон (мать Елизаветы), Василий Яковлевич Данилевский. Второй ряд слева направо: жена В.Я. Данилевского, Михаил Николаевич Смирнов (муж М.Н. Робинсон), Мария (Мура) Николаевна Робинсон.

Его обучение ограничилось посещением *Faculté des Lettres* (филологический факультет) Парижского университета в 1907–1910 гг., где он был *lecteur des lettres* (слушатель) (ЦГИА СПб; РГИА ДВ: 27), и некоторых лекций в *L'École d'anthropologie de Paris* (парижская Школа антропологии) и *L'École pratique des hautes études* (Практическая школа высших исследований) (сохранились отдельные конспекты, сделанные им в парижских библиотеках: СПФ АРАН: Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 805), но никакой степени ему не было присвоено. Позже в документах Сергея этот образовательный опыт превратится в докторскую степень (РГИА ДВ: 11), а сам он станет именовать себя профессором.

Парижский период был важным и для семейной жизни Широкогоровых – в 1908 г. Сергей и Елизавета поженились (ЛА ДТ: 8.01.1981).

Живя в Париже на бульваре Сен-Жермен, Сергей вращается в основном в русских кругах; он пишет регулярно домой в Россию. Однако далеко не все эти письма сохранились. Для реконструкции политической деятельности Широкогорова я остановлюсь на одном из них (от 10.01.1910) – Л. Е. Берковичу, соседу по Вольску, организатору марксистских кружков. Письмо было перлюстрировано охранкой (2.03.1910) и, как можно полагать, не достигло адресата, но сохранилось в Гуверовском архиве в США: “*Процесс разложения наших партий, конечно, в полном разгаре. И каждый разлагается на свой лад. (...) Вся же деятельность сводится к отчаянной грызне исключительно личного характера. (...) Всюду подавленное состояние и с этим ничего не поделаешь*” (НІЛА: 26001/141; курсив

мой. — Д.А.). Выделенный фрагмент, я полагаю, важен для понимания того, о чем спустя несколько лет Широкогоров будет писать в своих политических брошюрах, утверждая, что партии не могут стать основой существования государства и нации. Для его академических или учебных текстов *нация* окажется неподходящим термином — он предпочтет использовать *этнос*, оставив *нации* и *государству* место в своих политических статьях.

Помимо наблюдений за “разложением” русских партий Сергей был с головой погружен в статистические модели: он работал в Парижской национальной библиотеке, составляя картотеку, которая должна была показать взаимозависимость “социальной организации и условий технической культуры, а также их связи с первичной средой” (BN PAU I PAN: 4600/7. Л. 55, письмо В.Л. Котвичу от 6.02.1933). Нужно сказать, что эта статистическая работа, точнее — сравнение изучаемых параметров в разных странах, будет активно им использоваться и в политических текстах владивостокского периода.

Можно предполагать, что Широкогоров был знаком с исследованиями французских антропологов о месте этнологии в системе наук (см.: *Papillault* 1908). Он писал, что «почувствовал разницу в вопросах метода, того что может быть названо “философией”, и даже научных интересов и компетенции» (BN PAU I PAN: 4600/7. Л. 55, письмо В.Л. Котвичу от 6.02.1933) между научными сообществами Парижа и Петербурга. Но несмотря на это, после возвращения его представления и интерес к “предмету этнографии” удачно вписались в дискуссии, которые шли в столице России. Это, с одной стороны, первая волна дебатов о предмете этнографии в связи созданием соответствующих кафедр (НА РГО: Р. 109. Оп. 1. Ед. хр. 15), а с другой — кипучая деятельность картографической комиссии ИРГО (Императорское Русское географическое общество), где С.М. Широкогоров, Л.Я. Штернберг, Н.М. Могилянский, Ф.К. Волков, С.И. Руденко и другие этнографы и археологи “ломали голову” над двусмысленностью понятия “народность” и необходимостью ее материализации посредством картографирования² (НА РГО: Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 59; см. также: *Knight* 1995).

4. Между Петроградом и Дальним Востоком

Вернувшись из Парижа, Сергей поступает в Санкт-Петербургский университет, который, несмотря на прослушанные курсы и сданные экзамены, все-таки не оканчивает (ЦГИА СПб). Очевидно, что именно в эти годы у Широкогорова просыпается интерес к Сибири и, благодаря общению с В.В. Радловым и Л.Я. Штернбергом, он выбирает тунгусов и тунгусский язык объектом изучения. Судя по поздней переписке и воспоминаниям Сергея, можно утверждать, что общение с Л.Я. Штернбергом, разделявшим народольческие либеральные взгляды (*Kan* 2009), было ему в тягость. Скорее, их сближала работа и некоторые профессиональные интересы, но никак не политические убеждения (BN PAU I PAN: 4600/7. Л. 55). Вероятно, сам Широкогоров, будучи противником эволюционизма и всякого рода разговоров о прогрессе, больше симпатизировал монархии, выступая против партийной системы, которая не отражала “духа народа”. В одном из писем к В.Л. Котвичу Широкогоров уделяет внимание и этнографическим вопросам, он говорит, что впервые сформулировал свою теорию этноса уже в 1912 г., т.е. после парижской работы с литературой и полевых исследований у тунгусов и ороченов (BN PAU I PAN: 4600/7. Л. 54–57). Однако, изучая сведения о его полевой деятельности, можно сказать, что она состояла в т.ч. из достижения политических договоренностей и анализа политических ситуаций в каждом конкретном улусе. Так, из своих экспедиций 1915 и 1916–1917 гг. по Дальнему Востоку Широкогоров постоянно пишет Л.Я. Штернбергу, что его и Елизавету Николаевну китайцы воспринимают как “тайных агентов русской политики” (см. напр.: СПФ АРАН: Ф. 142. Оп. 1 [1918]. Ед. хр. 68. Л. 140–144об). При этом сами Широкогоровы активно пользовались услугами военных, их полевой отряд, скорее, напоминал армейское подразделение: казаки, форма, оружие... (см.: *Гуревич* 1940; MRC:

3/2/31/6. Л. 21). Более того, Сергей фотографирует китайские пикеты и пишет о них в своем дневнике — очевидно, в этом проявляется его интерес к текущей политической ситуации и положению местного населения (см. фото: МАЭ № 2639-465-470; ЛА ДТ: дневник).

Ко времени возвращения Широкогоровых из этой (последней по России) экспедиции (1917) анти-германские настроения, вызванные российскими неудачами Первой мировой войны, находились едва ли не на пике. В Чите, и без того подозреваемые в шпионской деятельности, они были арестованы (о ситуации на Дальнем Востоке см.: *Киселёв* 2015). При описании подробностей ареста рассказы Широкогорова с каждым разом становятся все драматичнее. Первым, кому он отправил письмо из Хайлара, был Л. Я. Штернберг (13.05.1917); Сергей Михайлович пишет о германофобии и подозрительности на Дальнем Востоке, что, как он считает, и привело к их аресту (СПФ АРАН: Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 319. Л. 21–22об). (Примечательно, что в этом письме Широкогоров использует выражение “романовский режим”, а буквально через несколько лет он будет выступать в поддержку монархии.) Позже Широкогоров придаст своему рассказу антропологический оттенок и в письме к своему коллеге Д. Калпу (30.07.1932) будет не просто в красках живописать арест, но вложит в свои уста фразы из Библии, создавая образ ненавистника Совдепии (*Shirokogoroff* 1932: 33).

Спасителем Широкогоровых, о котором Сергей Михайлович в своей переписке, впрочем, не упоминает, стал его старый друг по Вольску, министр юстиции Временного правительства А. Ф. Керенский. В разгар министерского кризиса (столкновение между А. Ф. Керенским и П. Н. Милюковым), несмотря на занятость, он отправил телеграмму (30.04.1917) с просьбой освободить Широкогорова “лично мне хорошо известного и выполняющего научные поручения Академии Наук” (ГАРФ: Ф. 124. Оп. 55. Ед. хр. 338. Л. 2).

После освобождения Широкогоровы добрались до Петрограда, а затем на некоторое время отправились в Екатеринодар к родственникам Елизаветы. В поезде они встречают своего старого друга В. Л. Котвича, который рекомендует им не возвращаться на Восток, а обрабатывать полевые материалы (в Петрограде?), на что в письме к В. В. Радлову (1.08.1917) Широкогоров замечает: “Конечно, отчасти с ним нельзя не согласиться, но если общее положение будет оставаться таким, как и раньше, то я предпочел бы быть на Востоке” (СПФ АРАН: Ф. 142. Оп. 1 [1918]. Ед. хр. 72. Л. 17–17об). В Ессентуках он встречается с Л. Я. Штернбергом, с которым также обсуждает планы на будущее (СПФ АРАН: Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 319: 23–24об). Нужно сказать, что Л. Я. Штернберг считал Февральскую революцию особым моментом в истории и, будучи, как пишет его биограф С. Кан, вовлечен в политическую жизнь столицы и находясь в правом крыле эсеровской партии в качестве журналиста (*Kan* 2009: 240), предлагал Широкогорову остаться в Петрограде (ВН РАУ I РАН: 4600/7. Л. 54–57). Более того, как уверяет Сергей Михайлович, Л. Я. Штернберг был в очень хороших отношениях с А. Ф. Керенским и даже мог оказывать влияние на политические решения последнего (ВН РАУ I РАН: 4600/7. Л. 54–57). В упомянутом выше письме к В. В. Радлову Широкогоров говорит, что он условился с Л. Я. Штернбергом “определить, что предпринимать в зависимости от общего политического положения”, но при этом сам он “мысленно колеблется между Петербургом и Дальним Востоком” (СПФ АРАН: Ф. 142. Оп. 1 [1918]. Ед. хр. 72. Л. 17). В. В. Радлов же советовал уезжать, но уезжать на Запад (ВН РАУ I РАН: 4600/7. Л. 54–57).

Однако, несмотря на все разговоры и советы, решение давалось тяжело. Обращаясь к Л. Я. Штернбергу, Широкогоров требовал хоть как-то определить свою судьбу, о чем говорит телеграмма от 13.09.1917 (по ст. стилю): “ПРОМЕДЛЕНИЕ РЕШЕНИИ ПОЛОЖЕНИЯ МОЖЕТ НЕБЛАГОПРИЯТНО ОТРАЗИТЬСЯ ПРОШУ ИЗВЕСТИТЬ ДИРЕКТИВ СРОЧНО ШИРОКОГОРОВ” (СПФ АРАН: Ф. 142. Оп. 1 [1918]. Ед. хр. 71. Л. 44).

Вернувшись в Петроград, Широкогоровы обошли своих знакомых и, очевидно, приняли для себя решение ехать “на Восток”. Накануне отъезда 16 октября 1917 г. (по ст. стилю) Сергей Михайлович заходит в гости к известному геохимику и философу В. И. Вернадскому.

Сохранилась краткая запись в дневнике последнего: “Был антрополог С. Широкогоров – билет в Пекин” (*Вернадский* 1994: 21). Еще через несколько дней 23 октября 1917 г. (по ст. стилю) он заглядывает к В.Л. Котвичу, о чем упоминает в своем письме к нему 29.04.1924 (BN PAU I PAN: 4600/6. Л. 5).

До октябрьского переворота оставалось два дня...

Следующие письма будут уже из Пекина, до которого Широкогоровы добирались через Харбин. Однако, находясь в Харбине и Пекине, они все еще не знали, где им обосноваться. В письме к Л. Я. Штернбергу (17.05.1918) Сергей Михайлович пишет о группах “противников большевиков”, создающих неустойчивость в регионе (СПФ АРАН: Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр.72. Л. 22). Такая интерпретация событий дает понять, что сами большевики для Широкогорова на тот момент не являлись олицетворением врага.

Последующий двухлетний период в жизни С. М. Широкогорова – с мая 1918 г. по июнь 1920 г. – известен нам, скорее, по официальным документам, нежели по переписке. Можно предположить, что именно тогда Сергей Михайлович решает стать политиком и занимает однозначно антибольшевистскую позицию. В это же время он завязывает тесные отношения с генералом Д. Л. Хорватом (главным человеком на огромной территории полосы отчуждения железной дороги – КВЖД) и, согласно переписке Широкогорова и тем документам, которые нам удалось найти, сохраняет их до последних дней жизни генерала.

В июле 1918 г. Д. Л. Хорват принимает Широкогорова на работу в Дипломатическую канцелярию Временного Дальневосточного правительства (MRC: 45/3/9), а в декабре 1918 г. назначает главой канцелярии (MRC: 45/4/1). Сергей Михайлович постоянно находится в разъездах между Владивостоком, Харбином и Токио. Вскоре он принимает к Дальневосточному комитету, располагавшемуся во Владивостоке и Харбине, и пишет приветственный адрес на имя адмирала А. В. Колчака (г. Владивосток, не позднее 25.11.1918); в нем говорится о “единовластии, единственно могущем вернуть Россию на путь былой славы и могущества” (*Журавлев* 2012: 42).

Именно А. В. Колчак приглашает Широкогорова в Омск в июне 1919 г. для участия в организации Института исследования Сибири (*Фоминых* 2008). Сергей Михайлович, вероятно, должен был заниматься созданием его Дальневосточного отделения. Здесь Широкогоров, по всей видимости, мог встретить многих своих знакомых по Петербургу, в частности, по Картографической комиссии (напр., С. И. Руденко, бывшего в ту пору в Томске). В организации института прослеживается наследие “областников” (*Ковалюшкина* 2005), которые, как известно, стремились к отделению Сибири на основании особого социального, культурного и политического статуса региона.

В январе 1918 г. во Владивосток вошли японские войска и к осени заняли почти полностью город и в целом Дальний Восток. Осознавая политическую ситуацию и “нестабильность” в регионе, Широкогоров ведет дипломатические переговоры с Японией. Часто посещая страну, Сергей Михайлович встречается и с представителями науки, он очень высоко оценивает японских исследователей.

После падения правительства А. В. Колчака осенью 1919 г. Дальний Восток погружается в новую полосу политического противостояния. Широкогоров много выступает на собраниях и в прессе как представитель правительства Д. Л. Хорвата, придерживаясь антибольшевистской позиции. В 1920 г. начинается наступление атамана Г. М. Семенова, участвовавшего в разделении зон влияния: Забайкалье подчинялось ему, а Северная Маньчжурия и Приморский край – Д. Л. Хорвату (*Оно* 2015: 101)³. Вероятно, готовясь к дальнейшему переезду, Широкогоров весь 1920 г. проводит в Японии (APS).

Зимой 1920 г. после разгрома атамана Семенова формируется Временное правительство Приморской областной земской управы, а Д. Л. Хорват переезжает в Китай, где становится советником КВЖД (*Спешнев* 2004: 132). Основным противником Приморской областной земской управы стала Дальневосточная республика, созданная также в 1920 г. как “буферное государство” для предотвращения конфликта между

Россией и Японией. На волне этого противостояния возникает несоциалистическое движение (“несосы”), в котором Широкогоров становится едва ли не главным идеологом. 20 марта 1921 г. движение созывает Съезд несоциалистических организаций Дальнего Востока, основная идея которого – обсуждение возможности создания “буржуазно-либерального буферного государства” как альтернативы Дальневосточной республике (Ляхов 2013). К этому времени Широкогоров – опытный политик и преподаватель Дальневосточного университета...

5. Владивосток: преподаватель и политик

Интеллектуальная жизнь во Владивостоке в этот период была довольно унылой, да к тому же и очень зависимой от постоянно сменяемых правительств (СПФ АРАН: Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 319. Л. 26об). Широкогоров сотрудничает с Дальневосточным университетом, где вместе с коллегами создает историко-филологический факультет, организует публикацию Ученых записок. Сам Широкогоров писал: “[именно в ходе преподавания] у меня родилась мысль изучать (наблюдать) этнографически происходящее, что я и делал, ведя некоторые записи” (ВН РАУ I РАН: 4600/6. Л. 5). Однако эта работа не приносит ему ни денег, ни, как он сам говорит, удовольствия, в отличие от участия в разного рода политических организациях и движениях (СПФ АРАН: Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 319. Л. 27–27об, Широкогоров Л. Я. Штернбергу от 24.12.1922). Так, в своем отчете от 26.10.1922 в МАЭ, чьим сотрудником он продолжал числиться, Широкогоров писал, что вынужден был подрабатывать управляющим издательством в одной русской фирме в течение 6–7 лет, и отмечал, что после роспуска Народного собрания, членом которого он являлся, ему пришлось вместе с женой уехать в Шанхай (СПФ АРАН: Ф. 142. Оп. 1 [1922]. Ед. хр. 4. Л. 210об-211). Этот отчет, как и последующий – от 26.01.1923, отражает его позицию как политика, этнографически наблюдающего за жизнью “цивилизованных народов”, “так как в момент политических колебаний гораздо отчетливее проявляются этнографические черты народов, отдельных групп его”. (СПФ АРАН: Ф. 142. Оп. 1 [1924]. Ед. хр. 4. Л. 11). Можно сказать, что Широкогоров стал едва ли не первым этнографом русской революции и гражданской войны, живя и наблюдая за политическими процессами на окраине распадающейся империи. В тот момент он объединял в своем лице политика, преподавателя и этнографа.

Несмотря на довольно скромный музейный опыт Сергея Михайловича, Л. Я. Штернберг видел в нем нужного для МАЭ человека и в письме от 28.02.1923 приглашал его вернуться в музей для работы во вновь созданном Отделе эволюции культуры (СПФ АРАН: Ф. 142. Оп. 1 [1923]. Ед. хр. 3. Л. 13–14). В переписке с В. М. Алексеевым и В. Л. Котвичем Сергей Михайлович будет высмеивать даже саму идею создания такого отдела. Вероятно, и политические убеждения Широкогорова, сформировавшиеся в ходе многомесячных дебатов, не позволяли этого; его позиция была жестко определена: никаких отношений с “Совдепией”!¹⁴ Он надеется найти работу за пределами России, о чем говорят письма к Ф. Боасу (APS). В этот период удивительно переплетаются попытки Широкогорова уехать дальше на Запад, его этнографические наблюдения за политиками и желание (или необходимость?) читать лекции о собственной теории этноса. Однако “богатый материал” нуждался в концептуализации и для объяснения студентам, и для написания научных и политических текстов. Спешно уезжая из Петрограда, Широкогоровы не смогли взять с собой практически ничего. Их рукописи остались в “комитетском шкапе” (СПФ АРАН: Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 319. Л. 24–24об), коллекции, фотографии, книги – в МАЭ... О недостатке материалов Сергей Михайлович будет постоянно упоминать в переписке (см., напр., письмо к В. Л. Котвичу от 14.08.1924 – ВН РАУ I РАН: 4600/6. С. 10).

Имея опыт издателя и редактора, Широкогоров решает публиковать помимо “Этноса” и свои политические брошюры. Как писала мне П. Полански (Гавайи, США),

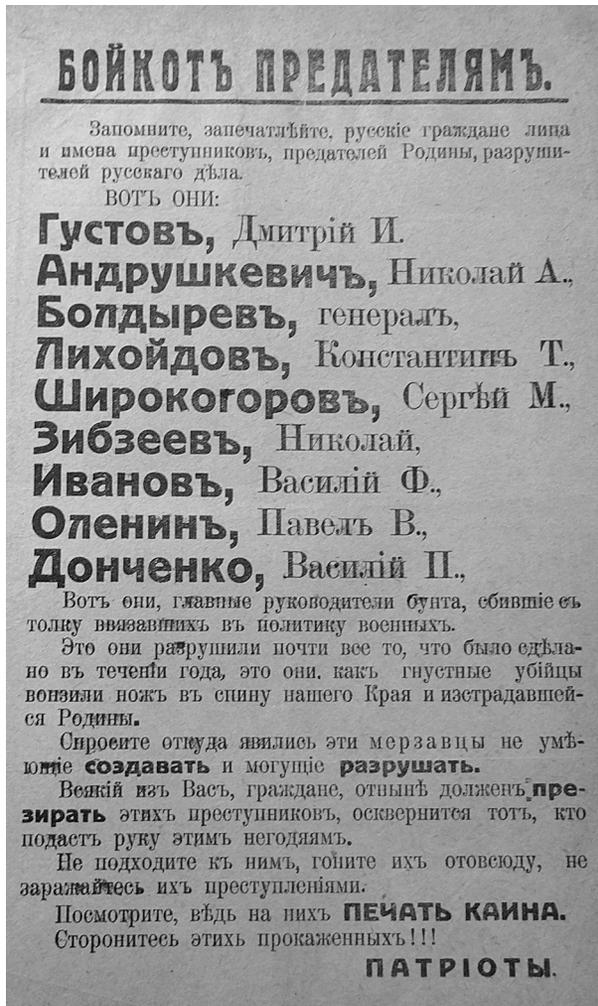

Рис. 3. Политическая листовка. г. Владивосток (1921 г.) (MRC: без номера).

авторитетный специалист по истории публикаций на Дальнем Востоке времен гражданской войны, практика издания такого рода брошюр была в то время очень популярна. Широкогоровские брошюры могут быть разделены на три большие группы: 1) научные — о шаманстве у тунгусов, 2) учебные — об этносе, 3) политические — о нации. При кажущейся разнице все они сплетены воедино, как в том письме, которое я упоминал в начале статьи.

Сравнивая *нацию* и *этнос* (в понимании Широкогорова), можно сказать, что он создал два языка описания одной реальности. Он стремился выстроить упрощенные социальные и государственно-правовые модели, которые в ситуации политического хаоса превращались бы или в действенное орудие пропаганды, или в веру в настоящую науку, не ангажированную никакими партиями и движениями. Удивительно, но это не было для него противоречием.

Широкогоров, скорее всего, был вовлечен в так наз. недоворот, произошедший 26 мая 1921 г., когда братья Меркуловы свергли большевистское Временное правительство на

Дальнем Востоке. За “недоворотом” стояли дискуссии на конференциях несоциалистического населения на Дальнем Востоке в марте и мае 1921 г. Ключевой фигурой информационной политики в правительстве Меркуловых был журналист В. Н. Иванов⁵ (*Посадсков* 2015), знавший Широкогорова и упоминавший его среди иных деятелей в стихах о “Нарсобе” (Народном Собрании): “...Широкогорова фланелевый костюм” (Вечерняя газета 1921). Однако отношения Широкогорова с Меркуловыми были недолгими, уже осенью 1921 г. разгорается конфликт. В. Н. Иванов публично выступает с критикой руководителей Совета несоциалистического движения (в т.ч. С. М. Широкогорова), говоря: “Совет ваш стал Совдепом, источником разрухи и развала, собранием каких-то действий и выступлений исключительно на почве мелких самолюбий” (цит. по: *Посадсков* 2015: 47). В архиве Музея русской культуры сохранились некоторые листовки того времени, одна из которых (рис. 3), вероятно, иллюстрирует этот конфликт.

Как и в 1910 г. (в письме к Л. Е. Берковичу), в более поздние годы Широкогоров будет повторять, что партийная система – заведомо ошибочная политическая стратегия. В брошюре “Задачи несоциалистического движения” (*Широкогоров* 1922а) он говорит о событиях 1905 г. как об ошибке “народа”, утверждая, что политические партии и политические дебаты привели к событиям 1917 г. и падению империи. Эту же мысль он будет повторять позже в своих речах в Пекине, словно вспоминая об избииении отца и скитаниях брата⁶. Заключение Широкогорова: “править государством партии не могут, как бы хороши не были бы их программы и их люди” (*Широкогоров* 1922а: 5). С его точки зрения, несоциалистическое движение – это не партия, а “народ”, оно является частью борьбы с большевиками и коммунизмом. Говоря о будущем, он делает несколько замечаний, которые повторяет и в последующих работах, включая *Psychomental complex of the Tungus* (Психоментальный комплекс тунгусов): “Желания самого населения, *здоровый инстинкт самого народа*, приходящего в *состояние душевного равновесия*, есть основа этого движения и новое движение, движение национальное, отказавшись от политических партий, приняло совершенно иные формы” (*Широкогоров* 1922а: 13). Широкогоров предлагает лишь два сценария: парламентская монархия с конституцией, как в Великобритании, или же царь и Земский собор. В обоих случаях он делает акцент на отсутствии партий и некой прямой власти народа.

На обложке одной из политических брошюр Широкогорова дана реклама следующих изданий, в т.ч. и его работы с лаконичным названием “Политические партии или нация”. Найти ее нам, к сожалению, не удалось.

В 1922 г. вышла брошюра Широкогорова о международном положении России, ставшая, как я предполагаю, результатом критики идей Маркса, выписки из работ которого он делал в Париже. На геополитической карте Широкогорова было только три страны: Германия, США и Россия, т.к. остальные потеряли свое влияние в ходе Первой мировой войны или, как он называет ее, войны 1914 г. Сергей Михайлович вновь повторяет тезис о пагубном влиянии политических партий на положение дел в стране: “*деление на партии в России основаны главным образом на психологии и степени образованности людей*, а не господстве той или иной идеи, как чисто логической концепции” (*Широкогоров* 1922б: 32). Он пишет о новой угрозе: “появился *безнародный интернационализм* и государствам начала грозить гибель от внутреннего разложения” (*Широкогоров* 1922б: 23; курсив мой. – Д.А.). Ситуация в России, с этой точки зрения, понималась им довольно незамысловато:

Императорская Власть под влиянием новых течений, при изменении экономической и политической структуры государства, выродилась в партийную организацию. В таком состоянии война застала Россию. Хотя подъем национального чувства в 1914 г. как будто бы сгладил отношения, но холод отношений к Правительству был сохранен, тепло же национального чувства было перенесено на армию (*Широкогоров* 1922б: 33).

Будучи противником партий и идеи классов, Широкогоров выдвигает на первое место понятие *народ* как социальную единицу и основную силу социальной жизни. Иногда в свою палитру он добавляет термин *раса*, описывая расы или как разлагающиеся, или как паразитические, или как новые (*Широкогоров* 1922б: 50). Широкогоров достаточно эклектично смешивает понятия расы, народа и государства, создавая причудливую модель истории. Тезис о народности и делении на народы был для него важен и перекликался со знакомыми ему идеями, близкими народникам, которые разделял и его коллега Л. Я. Штернберг.

Анализируя политические речи Широкогорова, можно сказать, что для него понятия *государство* и *общество* не были разделены (в этом был его скрытый спор с марксизмом и шире — социалистическими идеями), они сливались воедино, как в современной концепции социополитики. В понимании Широкогорова движущей силой выступал самоуправляемый народ (отсюда — земская организация), живущий не в государственных, а в психологических границах. Это было очевидным перенесением политических реалий его времени на вневременную перспективу его теоретизирования. Рефлексируя на тему октябрьского переворота, в одном из писем к В. Л. Котвичу (14.08.1924) он напишет, что революция для него это — “этническая дезинтеграция” (BN PAU I PAN: 4600/6. Л. 9—9об).

За высказываемые неоднократно политические взгляды (*Широкогоров* 1922в) 26 октября 1922 г. Широкогоров был уволен из Дальневосточного университета (РГИА ДВ: 16—16об, 18об), а позже, но, вероятно, по другим причинам, и из МАЭ. Вероятно, опасаясь репрессий, семья переезжает в Шанхай, где Сергей Михайлович начинает заниматься антропологией Китая, не оставляя, впрочем, и политическую деятельность...

6. Пекин: монархические мечты

В Китае Широкогоров вращается в среде русских эмигрантов. Как и прежде, он связан с генералом Д. Л. Хорватом и его окружением. Но сам переезд и увольнение из МАЭ подталкивают его к тому, чтобы полностью отказаться от русского языка в научных текстах, отдавая предпочтение английскому и французскому (BN PAU I PAN: 4600/6. Л. 11об). Несмотря на неудачные попытки трудоустройства через переписку с Ф. Боасом и другими антропологами из США и Европы, Широкогоров начинает активно сотрудничать со многими западными коллегами (Д. Калпом, В. Эплетон и др.), заинтересованными в физико-антропологическом изучении китайцев, социологическом исследовании крестьянства и пр. Сотрудничество это почти всегда сопровождалось конфликтами. Тем не менее, поддерживая эти контакты, Широкогоров невольно подталкивает своего студента Фей Сяотуна, занимающегося изучением китайского крестьянства, к написанию диссертации, которую через несколько лет Фей Сяотун защитит у Б. Малиновского (*Pasternak* 1988: 641). Политические идеи, которые Широкогоров активно высказывал во Владивостоке, продолжают “роиться” в его голове и в Китае. Здесь он постоянно “кочует” от университета к университету, до самых последних дней так и не найдя постоянного места работы — во многом из-за своих политических убеждений.

В первые же годы после отъезда из России Сергей Михайлович пишет статью-рецензию на книгу М. Прайса *Christian Missions and Oriental Civilizations. A Study in Culture Contact* (Христианские миссии и восточные цивилизации. Эту о культурном контакте), опубликованную в 1926 г. в Шанхае. Статья занимает промежуточное положение между политическими и антропологическими текстами. Широкогоров использует идеи европейского бихевиористского движения, развивая свои мысли о “здоровом инстинкте”, “духовном равновесии” и “психологии людей”. Рецензия отражает взгляд этнографа и психолога на участие разнообразных религиозных организаций в общественной жизни Дальнего Востока. Приведенные наблюдения, как и выводы Широкогорова, напоминают об идеях, высказываемых людьми, близкими к семье Широкогоровых—Робинсон, — И. П. Павлова

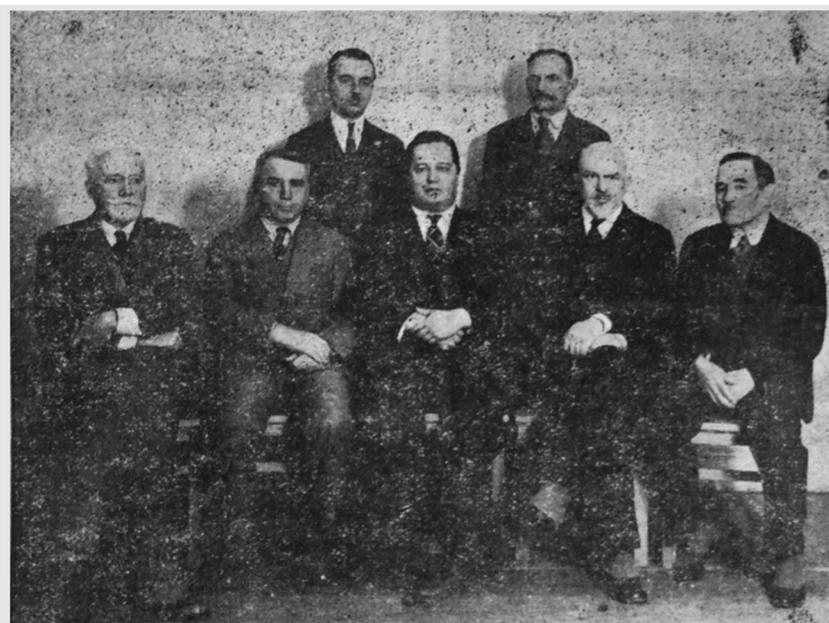
и В. Я. Данилевского. В статье Сергей Михайлович, продолжая риторику своих политических брошюр, пишет, что

необходимость сохранения устойчивости общества при этой новой форме управления, где предполагается, что управляет собою само население, а не отобранная группа его, потребовала разработки проблем психологии толпы, методов формирования общественного мнения в направлении, желательном для руководителей, способов направления внимания и энергии населения в желательную сторону и т. д. (*Широкогоров* 1926).

Эти мысли прослеживаются и в переписке с Дж. Питт-Риверсом: в 1932 г. Широкогоров пишет о своем интересе к проблемам планирования населения (*Кузнецов* 2013), что, как известно, было частью евгеники – масштабного проекта по изменению природы человека, весьма близкого к идеям нацизма (*Hart* 2015). Сходство мыслей в политических высказываниях Широкогорова и в его академических текстах дает основание говорить, что его рассуждения о раннем американском бихевиоризме, который частично был основан на социальном дарвинизме и условных рефлексах Павлова (*Mills* 1998), получили дальнейшее оформление в концепции психоментального комплекса. Не стоит забывать, что отношения с дядей Иваном Ивановичем Широкогоровым Сергей Михайлович сохранял вплоть до 1932 г. (СПФ АРАН: Ф. 820. Оп. 3. Ед. хр. 879, И. И. Широкогоров В. М. Алексею от 3.03.1941). Несмотря на то что нам не удалось найти их переписку, можно предполагать, что в ней обсуждались многие вопросы. Так, например, чтобы получить отзыв со стороны биолога-эксперта, С. М. Широкогоров высылал дяде в 1932 г. брошюру *Ethnological and Linguistic Aspects of the Ural-Altai Hypothesis* (Этнологические и лингвистические аспекты урало-алтайской гипотезы) (*Shirokogoroff* 1931).

В Китае свою книгу “Этнос” Широкогоров представит уже не столько учебным пособием для студентов, сколько популярной работой, объясняющей его взгляды на “этнические единицы и окружение” (*Ethnical Unit and Milieu*) – именно так он назовет краткое изложение своей теории (*Shirokogoroff* 1924). В предисловии Широкогоров пишет, что психология и изучение желез Л. Бермана послужили одним из оснований для его формул и других видов концептуализации этноса.

Помня об оценке Л. Я. Штернберга, назвавшего “Этнос” “провинциальщиной” и этим, как утверждает в письме к В. Л. Котвичу (14.08.1924) Широкогоров, разорвавшего их отношения (BN PAU I PAN: 4600/6. Л. 10об), да и о собственной неуверенности в начале теоретической деятельности, Широкогоров меняет в Китае взгляд на “Этнос”, который для него теперь превратился в едва ли не главную работу всей жизни. Он начинает активное, если не сказать агрессивное, распространение своих идей и находит единомышленников в разных уголках земного шара. Одна из его первых работ на английском языке *Ethnical Unit and Millieu* вышла в издательстве Edward Evans and Sons, Ltd, которое было довольно популярным в те годы в Шанхае, печатая бестселлеры (*Chen* 2013). Свообразным откликом на эту книгу станет работа сэра А. Кита, физического антрополога из Великобритании, которого можно рассматривать с позиции сегодняшнего дня как расиста. Он состоял в переписке с Широкогоровым и, как известно со слов самого Сергея Михайловича (письмо к В. Л. Котвичу от 2.10.1927), книга *Process of Physical Growth among the Chinese* (Процесс физического роста среди китайцев) обсуждалась в Лондоне, где А. Кит выступал ее основным защитником (BN PAU I PAN: 4600/6. С. 65–66). Через пять лет сам А. Кит публикует работу *Ethnos, or the Problem of Race Considered from a New Point of View* (Этнос, или проблема расы, рассмотренная с новой точки зрения) (*Keith* 1931). Ознакомившемуся с ней Широкогорову, с одной стороны, было лестно, что его идеи стремительно развиваются, а с другой – его это пугало, т. к. своего имени в книге А. Кита он не нашел (BN PAU I PAN: 4600/7. Л. 32–32об). Однако на фоне непонимания со стороны большинства российских/

Пекинский Антисоветский Комитет
Председатель А. И. Малков, проф. Широкогоров,
ген.-майор Розанов, нач. эконом. отдела И. С. Попов,
проф. Брандт. Стоят: секретарь П. М. Тесли, нач.
регистр. отдела В. В. Долбежев

Рис. 4. Пекинский антисоветский комитет (НИЛА 2: 40).

советских коллег (*Истомин-Кениг (Чепурковский) 1938: 7–9*) и конфликтов с отдельными европейскими и американскими учеными признание со стороны А. Кита и некоторых других исследователей придавало Широкогорову силы для продолжения научной деятельности.

О политической жизни Сергея Михайловича в Китае известно мало, сведения о ней фрагментарны и не позволяют представить более-менее полную картину. Мы знаем о работе с заключенными в Пекине и о ходе Юньнаньской экспедиции 1928 г. (*Крюков 2007*), известно и о его симпатиях к Японии во время оккупации ею Китая (ЛА ДТ: И. И. Гапанович, 1.05.1979, 8.06.1980).

Наиболее интригующим моментом в биографии Широкогорова остается его поездка в фашистскую Германию в 1936 г. Нам все еще мало известно о том, с кем он встречался, находясь там, и чем был занят. Д. Тумасонис любезно поделился с нами несколькими письмами немецкого лингвиста К. Менгеса. В одном из них (3.03.1987) К. Менгес пишет, что весной 1936 г. в Берлине он встречался с Широкогоровым, который делился с ним своим желанием покинуть Китай, но К. Менгес прямо сказал, что Германия не самое подходящее место для переезда прежде всего из-за “новой государственной религии” (читай: нацизма) и рекомендовал ему ехать в США. И. И. Гапанович в письме к Д. Тумасонису (8.06.1980) писал следующее: “Политические противники называли Широкогорова Брейтберг в шутку (...). К Гитлеру он относился одобрительно⁷ и говорил, что он делал полезное для Германии, но находил, что сам Гитлер был человеком невежественным, как и его расовая теория” (ЛА ДТ: И.И. Гапанович, 8.06.1980). Исходя из этих сведений,

а также очень “правых” (порой откровенно фашистского толка) убеждений многих русских эмигрантов в Китае того времени (*Stephan 1978*), можно представить, какую идеологию, вероятно, Широкогоров разделял.

Вскоре после возвращения из своей европейской поездки Широкогоров был уволен из Университета Цинхуа в Пекине из-за участия в студенческих демонстрациях (MRC: 3/2/31/6). В конце 1930-х годов Сергей Михайлович был членом Пекинской группы Русского антикоммунистического комитета — преемника русских националистических организаций в Китае, в т.ч. и так наз. русской национальной общины (*Хисамутдинов 1999*). В то время как советские политики поддерживали антияпонскую пропаганду, русские эмигранты в Китае симпатизировали “новому порядку” в Азии и оставались верны идеям борьбы с большевизмом, порой перемешивая их с антиамериканской пропагандой.

Последнее большое политическое выступление Широкогорова состоялось в 1938 г. накануне японской оккупации в “Русском Доме”, являвшемся центром русской жизни Пекина (*Спешнев 2004*: 125–143). В своей речи, посвященной 325-й годовщине дома Романовых (*Широкогоров 1938а, 1938б*), как и в прежних выступлениях, Широкогоров подчеркивает, что смысл истории в соединении власти и населения в нечто целое, которое и должно осуществлять все политические действия. Его мысли словно перекликаются с теми, что его мучили при создании концепции этноса: “... но мало создать идею, выдумать идеальную систему — нужно привести ее в действие, только тогда она делается жизненной” (*Широкогоров 1938б*: XVI; курсив мой. — Д.А.). Движущей силой он видит именно народ (или этнос в его антропологических текстах). В самом конце выступления Широкогоров говорит об “индивидуальности народов”, которая внутри романовской империи была устойчивой прежде всего за счет передачи власти по наследству. Он делает заявления ксенофобского и антисемитского содержания, объявляя евреев и всех иностранцев, живущих в России, — паразитами.

Удивляет в этой речи, как и в его политических брошюрах, то, что он умудрялся объединять демократию и монархию, представляя малопонятные со стороны интеллектуальные гибриды.

7. Порядок из хаоса

Предпочтя Владивосток революционному Петрограду, Широкогоров связал себя с дальневосточной политической нестабильностью. Фактическое отсутствие границ, да и самого государства превратило регион в своеобразный узел, соединивший людские потоки, армии и корабли разных стран. Документы свидетельствуют, что японские, китайские, американские, британские и русские силы были вовлечены в местную политику в равной степени, превращая саму территорию не в “слегка приоткрытую дверь”, как пишет на примере сегодняшней русско-китайско-монгольской границы французский антрополог Г. Деллаплас (*Delaplace 2013*), а скорее — в настежь открытую дверь без замков и ключей.

Владивосток и Благовещенск стали центрами притяжения многих представителей интеллигенции из европейской части России. С одной стороны, эта территория с начала XIX в. была исторически вовлечена во внутренние процессы насильственного перемещения русских интеллектуалов (декабристы, народники и т.д.). Многие переселенцы так и остались в этих местах, обзаведясь семьями. Издалека создавалось впечатление о существовании интеллектуальной жизни на окраине империи. С другой стороны, политический хаос 1920-х годов заставил людей искать “пространства свободы”, находя которые, на какое-то время они возвращались мыслями к реставрации монархии и установлению нового/старого политического порядка. Широкогоров мог бы быть ярким примером такого интеллектуала, превратившего свою “провинциальщину” в идеологическое оружие как в науке, так и в политике.

Нужно сказать, что Дальний Восток не был исключением: схожие процессы отмечались во многих европейских городах – Париже, Берлине, Праге; те же идеи мелькали на страницах политических брошюр, листовок, газет, публикуемых русскими эмигрантами. В этих текстах, помимо всего прочего, постоянно велись разговоры о нации, которые, очевидно, были принесены вместе с российской консервативной имперской идеологией (Miller 2015; Гачева 2010). Так, дискуссии на эту тему внутри евразийского движения (см.: *Shlapentokh* 2007) способствовали созданию едва ли самой “устойчивой” парадигмы внутри социальных наук XX в. – структурализма (*Glebov* 2013).

Предреволюционная и “эмигрантская” теория этничности/этнуса, как представляется, развивалась по схожему пути. Нужно сказать, что не только Н. М. Могиланский или С. М. Широкогоров размышляли об этом, концепция (или даже само слово *этнос*) словно витала в воздухе, обретая самые причудливые формы в разных “экологиях знания”. Одним из незамеченных воплощений этой теории можно считать статью “Тайна нации” А. А. Салтыкова (*Салтыков* 1925) – русского историка культуры и одного из идеологов консервативной монархической газеты “Возрождение”, публиковавшейся в Париже. А. А. Салтыков сравнивает нацию и этнос (он использует именно этот термин!). С его точки зрения, нация как форма самоописания элиты имеет дух, который лежит в основе империй, в то время как этнос воплощен в почве и первобытном состоянии. Автор заключает, что “этнос – это всегда настоящее, а нация – это часто прошлое или будущее”. Такая упрощенная политическая онтология проводила заметную грань между исчезнувшей Российской империей и будущей империей, которую необходимо восстановить. В модели А. А. Салтыкова этнос оставался в политическом хаосе и всегда был чем-то “отсталым”.

История С. М. Широкогорова, как и история А. А. Салтыкова и многих других интеллектуалов того времени, говорит, скорее, о том, что перед нами альтернативные концепции нации – продукты мысли политиков (и исследователей), живших или прошедших долгое время на границах империи, или же эмигрантов, старавшихся вообразить центр имперского политического ландшафта через категории национальности и этничности. Воображаемое оказывалось предельно гетерогенным, в нем соединялись или же приобретали замысловатые конфигурации “мы” и “они”, “центр” и “периферия”, смешивались времена. Такая географическая и интеллектуальная локализация теоретической мысли интересна не только для истории антропологии, но и для понимания политической нестабильности как условия развития социальных теорий.

Находясь внутри хаотического настоящего, ранние советские этнографы (противники царского режима) “составляли списки национальностей для всех трех переписей, используя свой опыт для создания порядка из хаоса и для создания нового порядка определений” (*Hirsch* 1997: 251). В этом проглядывали те дискуссии в Картографической комиссии ИРГО, в которые был вовлечен герой этой статьи – Сергей Михайлович Широкогоров. Поразительно, но его идеи (и не только его) спустя некоторое время оказались востребованы советской этнографией, вопреки логике истории...

Благодарности

Настоящая статья является частью исследовательского проекта по сравнительной истории антропологии на базе Университета г. Абердин (Великобритания) (ESRC “Etnos: A Life History of the Etnos Concept”, рук. Д. Дж. Андерсон).

Эта статья не могла бы появиться на свет без помощи моих замечательных коллег Д. Дж. Андерсона, Д. Тумасониса, А. Дюмон, С. Алымова, С. Подрезовой, Н. Комелиной, И. Франкена и П. Полански, чьи комментарии и добрые советы позволили значительно улучшить текст. Особая благодарность Е. Робинсон, В. Широкогорову и Н. Широкогоровой за возможность познакомиться с их семейными архивами.

Примечания

¹ См. статью Д. Дж. Андерсона в настоящем номере журнала.

² См. статью С. С. Алымова и С. В. Подрезовой в настоящем номере журнала.

³ Историк Д. А. Ляхов пишет, что это разделение было основано и на разнице политических взглядов Г. М. Семенова и Д. Л. Хорвата. Первый склонялся к военной диктатуре, в то время как второй был сторонником монархии (*Ляхов* 2013).

⁴ Правда, сам он понимал это, скорее, как прекращение всяких отношений с коллегами, оставшимися и работающими в Советской России.

⁵ Вероятно, В. Н. Иванов – прообраз Ванюшина из романа Ю. С. Семенова “Пароль не нужен”, с которого я начал свою статью.

⁶ По иронии судьбы, тот же брат Широкогорова – Владимир – выберет своим местом работы на некоторое время НКВД (ГАРФ: Ф. 393. Оп. 86. Ед. хр. 639).

⁷ Исправлено чернилами на “критически”.

Источники и материалы

Вернадский 1994 – *Вернадский В. И.* Дневники. 1917–1921 гг. Киев: Наукова думка, 1994.

Вечерняя газета 1921 – Вечерняя газета. Владивосток, 14 сентября 1921.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гуревич 1940 – *Гуревич Б. Б.* Светлой памяти проф. С. М. Широкогорова. К первой годовщине его смерти // *Заря*. 1940, 19 ноября.

Журавлев 2012 – Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А. В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. / Ред. А. В. Журавлев. СПб.: ЕУ СПб., 2012.

Фоминых 2008 – Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / Отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008.

Истомин-Кениг (Чепурковский) 1938 – *Истомин-Кениг (Чепурковский) Е. М.* На задворках и около дворцов. Эпизоды из жизни и мысли трех русских студентов, изложенные последним из них. Тяньцзинь: А. И. Серебрянников и К°, 1938.

Крюков 2007 – *Крюков М. В.* С. М. Широкогородов и Юньнаньская экспедиция 1928 г. // Проблемы общей и региональной этнографии (к 75-летию А. М. Решетова) / Отв. ред. Е. В. Иванова, Е. В. Ревуненкова, Е. Д. Петрова. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 93–109.

Кузнецов 2013 – *Кузнецов А. М.* Письмо С. М. Широкогорова к капитану Г. Х. Л. Ф. Питт-Риверсу. // *Известия Восточного института*. 2013. № 2 (22). С. 126–130.

ЛА ДТ – Личный архив Д. Тумасониса. Письма И. И. Гапановича Д. Тумасонису; From Archpriest of Satin Alexander Newsky Cathedral Paris. 8.01.1981; копия дневника С. М. Широкогорова, 1915–1916 гг.

НА РГО – Научный архив Русского географического общества.

Отчет о командировке б. г. – Отчет о научной командировке в Париж ассистента патологического института доктора медицины И. И. Широкогорова. Bibliothèque nationale de France, Paris Б. г.

РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-289. Оп. 2. Ед. хр. 1573.

Салтыков 1925 – *Салтыков А.* Тайна нации // *Возрождение*. 12.10.1925. Т. 3. № 862.

Семенов 1994 – *Семенов Ю. С.* Бриллианты для диктатуры пролетариата. Пароль не нужен. Нежность. Т. 1. М.: КУБК-а, 1994.

Спешиев 2004 – *Спешиев Н. А.* Пекин – страна моего детства. Китайская рапсодия. Записки синхронного переводчика. СПб.: Бельведер, 2004.

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 59098.

APS – American Philosophical Society. Boas collection. Box 82.

BN PAU I PAN – Biblioteka Naukowa Polskiej Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Nauk.

Chen 2013 – *Chen L.* The Switched-on City // *Global Times*. 2013. January 30.

ЕАА – Eesti Ajalooarhiiv.

HIILA – Hoover Institution Library and Archives.

Kerensky 1965 – *Kerensky A. F. The Kerensky Memoirs: Russia and History's Turning Point*. L.: Cassell, 1965.

MRC – Museum of Russian Culture in San Francisco.

Научная литература

Гачева А. Г. Идея “Третьей России” и пореволюционные течения русской эмиграции // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х гг. / Ред. О. Н. Казнина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 375–422.

Киселёв Д. В. “Подозрительные немцы”: агенты и военнопленные центральных держав в Маньчжурии в годы Первой мировой войны // *Россия и АТР*. 2015. № 2. С. 121–138.

Ковалышкина Е. П. “Инородческий вопрос” в Сибири: концепции государственной политики и областническая мысль. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005.

Ляхов Д. А. Небольшевистские модели политического устройства Дальнего Востока России (декабрь 1919 г. – октябрь 1922 г.). Дис. ... канд. ист. наук. ГОУВПО “Дальневосточный государственный университет”, Владивосток, 2013.

Посадсков А. Л. Писатель Вс. Н. Иванов во главе издательского дела Временного Приамурского правительства (1921–1922 гг.) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2015. № 22 (3). С. 44–49. <https://doi.org/10.15372/HSS20150309>

Хисамутдинов А. А. Русские в Китае. Тяньцзиньская ветвь эмиграции // *Проблемы Дальнего Востока*. 1999. № 2. С. 118–122.

Широкогоров С. М. Задачи Несоциалистического движения. Владивосток: Типография военной академии, 1922а.

Широкогоров С. М. Международное положение России. Владивосток: Типография Иосифа Корота, 1922б.

Широкогоров С. М. Сделали ли мы ошибки на первом Несоциалистическом съезде? Владивосток: Типография Иосифа Корота, 1922в.

Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических явлений. Шанхай: Сибпресс, 1923.

Широкогоров С. М. Христианская миссия и восточные цивилизации // *Вестник Азии*. 1926. № 5. С. 449–460.

Широкогоров С. М. Значение династии Романовых для России (начало) // *Китайский благовестник*. 1938а. № 36 (8). С. 17–19.

Широкогоров С. М. Значение династии Романовых для России (окончание) // *Китайский благовестник*. 1938б. № 36 (10–11). С. XV–XXIII.

Delaplace G. A Slightly Complicated Door: The Ethnography and Conceptualisation of North Asian Borders // *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border* / Eds. F. Billé, G. Delaplace, and C. Humphrey. Cambridge: Open Book Publishers, 2013. P. 1–18.

Glebov S. The Empire of Language: Space and Structuralism in Russian Eurasianism // *Empire De/Centered: New Spatial Histories of Russia and the Soviet Union* / Eds. S. Turoma, and M. Waldstein. L.: Ashgate, 2013. P. 31–60.

Hart B. W. *George Pitt-Rivers and the Nazis*. L.: Bloomsbury Publishing, 2015.

Hirsch F. The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // *Slavic Review*. 1997. № 56 (2). P. 251–278. <https://doi.org/10.2307/2500785>

Kan S. *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2009.

Keith A. *Ethnos, or The Problem of Race: Considered from a New Point of View*. L.: Kegan Paul, 1931.

Knight N. *Constructing the Science of Nationality Ethnography in Mid-Nineteenth Century Russia*. PhD diss., Columbia University, 1995.

Miller A. *The Romanov Empire and the Russian Nation* // *Nationalizing Empires* / Eds. S. Berger, A. Miller. Budapest: CEU Press. 2015. P. 309–368.

Mills J. A. *Control: A History of Behavioral Psychology*. N.Y.: New York University Press, 1998.

- Ono K. The Siberian Intervention and Japanese Society // Japan and the Great War / Eds. O. Frattolillo, and A. Best. L.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 93–115.
- Papillault G. L'Anthropologie Est-Elle une Science Unique? // Revue de l'Ecole D'anthropologie. 1908. No 18. P. 117–132.
- Pasternak B. A Conversation With Fei Xiaotong // Current Anthropology. 1988. No. 29 (4). P. 637–662.
- Shlapentokh D. (ed.) Russia between East and West: Scholarly Debates on Eurasianism. Leiden: Brill, 2007.
- Shirokogoroff S. M. Ethnical Unit and Milieu: A Summary of the Ethnos. Shanghai: E. Evans and Sons, 1924.
- Shirokogoroff S. M. Ethnological and Linguistic Aspects of the Ural-Altai Hypothesis. Peiping: Commercial Press, 1931.
- Shirokogoroff S. M. Letter to Professor Dr D. H. Kulp, 30 July 1932. Peiping, 1932.
- Stephan J. J. The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945. N.Y.: Harper & Row, 1978.

Research Article

Arzyutov, D. V. Anthropologist or Politician? Political Bias and Theoretical Constructions of Sergei M. Shirokogoroff [Antropolog ili politik? Politicheskie pristrastia i teoreticheskie postroeniia Sergeia Shirokogorova]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 5, pp. 123–141. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Dmitry V. Arzyutov | <http://orcid.org/0000-0003-3782-9296> | darzyutov@gmail.com | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords:

theory of ethnos, history of ethnography, civil war, emigration, monarchism, anti-Bolshevik movement

Abstract:

This article deals with the reconstruction of the political biography of Sergei Shirokogoroff, whose name is firmly associated with the Soviet theory of ethnos. Based on documents from many Russian and foreign archives, the author selects several episodes that show the relations between his political bias and theoretical models. In the first part of the article the author describes the political history of the Shirokogoroff family and their relationship with the young politician Alexander Kerensky. Later on the author provides a description of Shirokogoroff's political life in Paris and the story of his and his wife's arrest in Chita and then the Vladivostok period when he worked in local provisional governments. The article ends with an analysis of his political speeches in China and a description of the context of discussions about ethnos in conservative circles of Russian emigrants.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Economic and Social Research Council, <https://doi.org/10.13039/501100000269> [ESRC ES/K006428/1]

References

- Delaplace, G. 2013. A Slightly Complicated Door: The Ethnography and Conceptualisation of North Asian Borders. In *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*, edited by F. Billé, G. Delaplace, and C. Humphrey, 1–18. Cambridge: Open Book Publishers.
- Gacheva, A.G. 2010. Ideia “Tret’ei Rossii” i porevoliutsionnye techeniia russkoi emigratsii [The Idea of the “Third Russia” and Post-Revolutionary Trends in the Russian Emigration]. In *V poiskakh novoi ideologii: sotsiokul’turnye aspekty russkogo literaturnogo protsessa 1920–1930-kh gg.* [Search of a New Ideology: Social and Cultural Aspects of the Russian Literary Process], edited by O. N. Kaznina, 375–422. Moscow: IMLI RAN.

- Glebov, S. 2013. The Empire of Language: Space and Structuralism in Russian Eurasianism. In *Empire De/Centered: New Spatial Histories of Russia and the Soviet Union*, edited by S. Turoma and M. Waldstein, 31–60. London: Ashgate.
- Hart, B.W. 2015. *George Pitt-Rivers and the Nazis*. London: Bloomsbury Publishing.
- Hirsch, F. 1997. The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses. *Slavic Review* 56 (2): 251–278. <https://doi.org/10.2307/2500785>
- Istomin-Kenig (Chepurkovskii), E.M. 1938. *Na zadvorkakh i okolo dvortsov. Epizody iz zhizni i mysli trekh russkikh studentov, izlozhennye poslednim iz nikh* [On the Sidelines and Near Palaces. Episodes from the Lives of Three Russian Students, Told by the Last of Them]. Tianjin: A. I. Serebriannikov i K°.
- Kan, S. 2009. *Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Keith, A. 1931. *Ethnos, or The Problem of Race: Considered from a New Point of View*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd.
- Khisamutdinov, A.A. 1999. Russkie v Kitae. Tian'tszin'skaia vetv' emigratsii [Russians in China: The Tianjin Branch of Emigration]. *Problemy Dal'nego Vostoka* 2: 118–122.
- Kiselev, D.V. 2015. “Podozritel'nye nemtsy”: agenty i voennoplennye tsentral'nykh derzhav v Man'chzhurii v gody Pervoi mirovoi voiny [“Suspicious Germans”: Agents and the Military in Manchuria during the First World War]. *Rossia i ATR2*: 121–138.
- Knight, N. 1995. Constructing the Science of Nationality Ethnography in Mid-Nineteenth Century Russia. PhD diss., Columbia University.
- Kovalishkina, E.P. 2005. “Inorodcheskii vopros” v Sibiri: Kontseptsii gosudarstvennoi politiki i oblastnisheskaia mysl' [The “Inorodtsy Question” in Siberia: Concepts of State Politics and the Regionalist Thought]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- Liakhov, D.A. 2013. Nebol'shevistskie modeli politicheskogo ustroistva Dal'nego Vostoka Rossii (dekabr' 1919 g. – oktiabr' 1922 g.) [Non-Bolshevik Models of Political Regime in the Russian Far East]. PhD diss., Dal'nevostochnyi gosudarstvennyi universitet, Vladivostok.
- Miller, A. 2015. The Romanov Empire and the Russian Nation. In *Nationalizing Empires*, edited by S. Berder and A. Miller, 309–368. Budapest: CEU Press.
- Mills, J.A. 1998. *Control: A History of Behavioral Psychology*. New York: New York University Press.
- Ono, K. 2015. The Siberian Intervention and Japanese Society. In *Japan and the Great War*, edited by O. Fratolillo and A. Best, 93–115. London: Palgrave Macmillan.
- Papillault, G. 1908. L'Anthropologie Est-Elle Une Science Unique? [Is Anthropology a Unique Science?]. *Revue de l'Ecole D'anthropologie* 18: 117–132.
- Pasternak, B. 1988. A Conversation With Fei Xiaotong. *Current Anthropology* 29 (4): 637–662.
- Posadskov, A.L. 2015. Pisatel' Vs. N. Ivanov vo glave isdatel'skogo dela Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva (1921–1922 gg.) [The Writer Vs. N. Ivanov at the Helm of Publishing Business of Priamur Provisional Government (1921–1922)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 22 (3): 44–49. <https://doi.org/10.15372/HSS20150309>
- Shirokogorov, S.M. 1922. *Zadachi Nesotsialisticheskogo dvizheniia* [Tasks of the Non-Socialist Movement]. Vladivostok: Tipografiia voennoi akademii.
- Shirokogorov, S.M. 1922. *Mezhdunarodnoe polozhenie Rossii* [International Situation of Russia]. Vladivostok: Tipografiia Iosifa Korota.
- Shirokogorov, S.M. 1922. *Sdelali li my oshibki na pervom Nesotsialisticheskome s'ezde?* [Did We Make Mistakes at the Non-Socialist Meeting?]. Vladivostok: Tipografiia Iosifa Korota.
- Shirokogorov, S.M. 1923. *Etnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniia etnicheskikh iavlenii* [Ethnos. A Study of Main Principles of Change in Ethnic Phenomena]. Shanghai: Sibpress.
- Shirokogoroff, S.M. 1924. *Ethnic Unit and Milieu: A Summary of the Ethnos*. Shanghai: E. Evans and Sons.
- Shirokogorov, S.M. 1926. Khristianskaia missiia i vostochnye tsivilizatsii [Christian Mission and Eastern Civilizations]. *Vestnik Azii* 5: 449–460.
- Shirokogoroff, S.M. 1931. *Ethnological and Linguistic Aspects of the Ural-Altai Hypothesis*. Peiping: Commercial Press.
- Shirokogoroff, S.M. 1932. *Letter to Professor Dr D. H. Kulp, 30 July 1932*. Peiping.
- Shirokogorov, S.M. 1938. Znachenie dinastii Romanovykh dlia Rossii (nachalo) [The Meaning of the Romanoff Dynasty (beginning)]. *Kitaiskii blagovestnik* 36 (8): 17–19.
- Shirokogorov, S.M. 1938. Znachenie dinastii Romanovykh dlia Rossii (okonchanie) [The Meaning of the Romanoff Dynasty (end)]. *Kitaiskii blagovestnik* 36 (10–11): XV–XXIII.
- Shlapentokh, D., ed. 2007. *Russia between East and West: Scholarly Debates on Eurasianism*. Leiden: Brill.
- Stephan, J.J. 1978. *The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945*. New York: Harper & Row.